

Об академической работе

Лев Львович Любимов

Лев Львович Любимов стоял у истоков многих реформаторских проектов в сфере образования. Он был среди тех, кто задумывал и наш журнал, всегда приносил новые идеи, возбуждал острые дискуссии. Одиннадцать лет назад мы отмечали юбилей Любимова. Посвятив ему специальный номер «Вопросов образования», собрали подборку любимовских статей¹. Написанное Любимовым всегда бурно обсуждалось. Теперь многие его высказывания считаются классикой образовательной мысли.

Трудно поверить, что уже год Льва Львовича нет с нами². За это время сообщество исследователей в сфере образования и само образование столкнулись с радикальными переменами и серьезными вызовами.

В июле 2020 года профессору НИУ ВШЭ Дмитрию Владимировичу Виноградову удалось провести обстоятельный разговор с Л.Л. Любимовым — обсудить открыто и живо разные темы: они говорили о профессии, о науке, о публикациях, об окружении ученого, о том, как Лев Львович оценивает собственную карьеру и достижения. На личной странице, созданной на портале НИУ ВШЭ в память о Л.Л. Любимове, можно найти полную версию интервью³.

Мы публикуем в нашем журнале фрагменты этой беседы. Лев Львович говорит ясно и просто о том, что важно для успешного существования в академической среде. В очередной раз мы наблюдаем, как прикладные, практические темы, подчас рутинные, в интеллектуальной лаборатории Любимова становятся увлекательными сюжетами, как он щедро делится богатым жизненным, профессиональным и читательским опытом. Мы будем рады, если читатели нашего журнала благодаря этой публикации смогут услышать живые слова поддержки от Льва Львовича Любимова.

---

¹ Вопросы образования/Educational Studies Moscow. 2011. № 4. <https://vo.hse.ru/2011--4.html>

² Созидатель. In memoriam. Памяти выдающегося деятеля образования Льва Львовича Любимова (14.06.1936 — 03.04.2021) // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. 2021. № 2. С. 8–9.

³ <https://www.hse.ru/personal/liubimov/interview>

О роли коммуникации

Лев Львович: Я очень хотел бы, чтобы наши молодые ученые выступали на разных конференциях, вполне национальных конференциях, где они бы свободно пользовались языком русским. Выступая на зарубежных конференциях — если эти конференции будут на английском языке, например, — они будут контролировать язык, а не мысль. Если будут выступать на русском, то будут контролировать мысль.

Когда я был еще сопливым кандидатом наук лет двадцати шести, в Институте мировой экономики меня директор «наградил» поручением исполнять его обязанности в лекторской группе ЦК. Это означало, что группой из трех-четырёх человек мы едем в регионы и работаем с партийно-хозяйственным активом. Каждый читает свою лекцию, по своей теме. В этом качестве однажды мне довелось совершить подвиг: я должен был прочесть лекцию об энергетическом кризисе. Видимо, это был 1974 год. Коллегия Госплана СССР! Дети наши, конечно же, не понимают, да и взрослые уже не понимают, что такое коллегия. Член коллегии имеет ранг первого заместителя министра. И такой публике я должен читать лекцию! У меня мозги напряглись до такой степени, что лекцию я прочел хорошо, и даже председатель Госплана Байбаков очень хотел, чтобы я пошел с ним пообедать. Но я извинился и сказал: меня жутко ждут, я не могу, иностранцы в институте... На самом деле, пока я читал, у меня родилось штук десять инсайтов, что на самом деле вот это надо толковать так, а вот это — так. Моя задача была — немедленно туда, в институт, немедленно, пока я не забыл, записать. То есть, когда ты читаешь крепкой профессиональной аудитории, ты не талдычишь.

О тексте

Дмитрий Владимирович: Вы делаете упор на сущность и на значение. Академический текст наполнен терминами, точно передающими значение. Значит ли это, что на многое другое, например на переносы, можно не обращать внимания? Сейчас полно текстов, в которых не согласуются падежи, например, но если смысл понятен, то, быть может, это и неважно? Должен ли текст быть выверенно-грамотным или это второстепенно?

Л.Л.: Конечно же, в высшей степени важна грамотность, иначе вы не извлечете ни авторских, ни собственных смыслов из текста. Иначе это будет то, что можно назвать просто информацией, она войдет в левое ухо и выйдет из правого. А извлечь собственный смысл можно только тогда, когда читаемый текст точен в терминологии — и в понимании каждого термина, и в понимании взаимосвязи этого термина с другими терминами.

Посмотрите на мировые мониторинги школьного образования. В образовании десятилетних мы всегда впереди — в

тройке первых, а иногда и на первом месте. И я это отношу, к моей внутренней большой радости, на счет того, что, видимо, сохранилась генетика. Потому что сам контент «началки» с 7 до 10 лет — он как бы обо всем и ни о чем, и память это все схватывает. Но вот с пятого класса фактически расписание предметов напоминает список университетских факультетов: биология, математика, история... И в мониторинге пятнадцатилетних мы уже «выскакиваем» в пятый десяток. То есть школа с 5-го по 9-й класс опускает ребенка до плинтуса, к сожалению. Причина в том, что его учат алгоритмам, которые работают с памятью, и не учат мышлению. А модель обучения должна строиться по принципу *text is a model*.

Абсолютно то же самое касается и высшего образования, университетов. Я начинал в 1960-е годы. Конечно же, это тогда идиотская наука была — марксистско-ленинская политическая экономия, но — не падай в обморок! — издания Высшей партийной школы настолько жестко редактировались, что там логика, и терминология, и взаимосвязи терминов соблюдались предельно железно. Я чисто стилистике научился из этих книжек, просто самой стилистике. Ну, а поскольку дальше началось чтение, в основном американских экономистов — хотя первая книжка была Кейнса! — я начал осознавать, насколько важна точность. Когда я в издательство «Международные отношения» сдал книжку про экономические проблемы Мирового океана, их очень жесткие редакторы сказали, что нечего править: она легко читается, все очень логично, все очень точно. И это не талант — это чтение. Это чтение, и это письмо. Чтение и письмо — разные сущности, но они абсолютно комплементарны. Потому что, когда человек пишет, он не видит собеседника, он не видит его реакции, он не видит его ощущений и чувств. Когда любой из нас говорит, мы думаем и говорим одновременно, а когда ты пишешь — ты сначала думаешь, а потом пишешь, и это совершенно другая стилистика. Короче, надо и читать, и писать.

О структуре статей

Д.В.: А можем ли мы коротко пройтись по алгоритму написания статьи? Я задам несколько коротких вопросов, а Вы кратко скажете, что Вы об этом думаете. Например, у каждой научной статьи есть аннотация, *abstract*. Зачем она нужна и как написать хорошую аннотацию?

Л.Л.: На этот вопрос первым ответил Фридрих Ницше еще в конце XIX века. Однажды он написал, что, поскольку в школах перестали преподавать логику, он не в состоянии получать удовольствие от тех книг и журналов, которые ему доводится читать. То есть само исчезновение такой дисциплины в школе

резко сказалось на качестве научных публикаций. Ницше тогда уже сказал, что в школах надо учить письму, письменной речи. Это неважно, какой жанр. Но мы сейчас говорим о научной статье.

Сначала нужно выдвинуть тему. Если тема ясна, то нужно серьезно подумать о названии. Если название получилось, тогда надо всерьез подумать о том, из каких частей будет состоять эта статья — первая, вторая, третья, четвертая, — и теперь уже думать о названии каждой части. Если получилось название статьи, если получилось название каждой части, нужно начинать сначала: еще раз проверить, каким образом согласуются друг с другом сама тема, название статьи, название частей. Когда все более-менее утрясли, надо делать план каждой части. Когда сделан план — надо опять проверять, он последовательно согласован [ЛЛ использует слово *consistent*] или нет? Если да — начинаете писать текст. Когда закончили текст — начинайте извлекать ключевые слова. Если извлекли ключевые слова, то сам план и ключевые слова — это фактически уже *abstract*.

Д.В.: Отлично. А введение? У каждой статьи есть введение — как его написать?

Л.Л.: Так это и есть тема! Вот когда «обозвал» статью, тогда ты, конечно, сделаешь этот *preface* на три-четыре-пять-шесть строк, на один абзац: эту тему обсуждали так-то и так-то, я считаю, что можно обсудить ее так-то, — все, поставил точку, и начинается первая часть. Я еще раз возвращаюсь к Ницше, который говорил, что нужно учить писать в разных жанрах. Начитавшись литературы по образованию, я окончательно понял, что в школе нужно этому учить, и жанры должны быть разными, вплоть до заявления о приеме на работу — это тоже жанр.

Д.В.: Как бы Вы оценили, какой процент из прочитанных Вами статей имеет хорошее заключение? И чего Вы как читатель ждете от заключения статьи?

Л.Л.: Да не больше двадцати процентов!

Д.В.: А чего вы ждете?

Л.Л.: Что в нем должно быть? Понимаешь, когда нет заключения — это говорит о том, что человек занимается «публикационной активностью». Когда есть заключение — это означает, что он делает науку.

Как искать темы исследований

Д.В.: Я еще три вопроса задам коротких по теме научных исследований. Высок ли уровень стресса в науке? Есть ли такое понятие как «модная тема»? И что самое сложное в научной работе?

Л.Л.: Хорошо. Стресс... Стресс я, пожалуй, оставлю на потом. Что касается самой по себе темы — тему надо видеть. Видеть можно, только если ты читаешь. Когда у меня был первый от-

дел, куда меня Николай Николаевич Иноземцев назначил, это отдел информации, — я там создал библиотеку досье для систематизации работы с информацией, и много чего еще придумал.

Задания были бесконечные. Например, надо было каждый день давать директору выдержку из материалов ТАСС. Выпуски ТАСС имели разные цвета — красный, белый, черный, коричневый, зеленый. Если все вместе положить на стол, то получится пестрая стопка высотой сантиметров сорок — в день! Я должен был быстро просмотреть. Когда я быстро просматривал — а это занимало часа два, — у меня складывалась картина мира: какие проблемы важны на данный момент. Параллельно я должен был быстро просматривать некий набор журналов и газет. Вот так я нашел одну тему, вторую тему...

В 1973 году, где-то летом, я обнаружил, что что-то происходит в мировой энергетике. Начал сочинять, думая в конечном счете написать записку для академика [Иноземцева]. И получилась «записка» чуть ли не на двести страниц. Где-то к ноябрю я ему отнес и попросил прочитать. Он прочитал к концу ноября и сказал: «Слушай, это же сейчас "бомба" будет!..». И действительно, через месяц ОПЕК в четыре раза подняла цену на нефть, разразился знаменитый энергетический кризис, и с этого момента я должен был писать, что это такое, каждому члену Политбюро отдельно, объяснять им ситуацию. Вот тема нашлась.

Когда ты видишь мир, тема находится. Это первое, что я быстро усвоил. Мы сделали замечательную книжку коллективную. Вот, кстати, к вопросу о стилистике: хотя там было много соавторов, я ее переписывал, чтобы термины были правильными, чтобы взаимодействия между ними тоже были правильными. Ну и дальше так оно и шло — тему давала жизнь. Поскольку я хорошо «плавал» в проблематике сегодняшнего дня, я выбирал ту тему, которая, совершенно очевидно, завтра «закрякает», потребует ответа на вопросы. Первой же моей темой в отделе США были перспективы советско-американских отношений.

Д.В.: Теперь стресс и самое сложное в науке.

Л.Л.: Самое сложное, кстати, — это найти тему. Может быть, второе по сложности — это ни в коем случае на ней не останавливаться. В этом была гибель Академии наук, она сейчас видна. Занялся человек конечным продуктом: ВВП, совокупным национальным доходом — и больше ничем до конца жизни! Этот риск заиндеветь на одной теме — это страшная вещь.